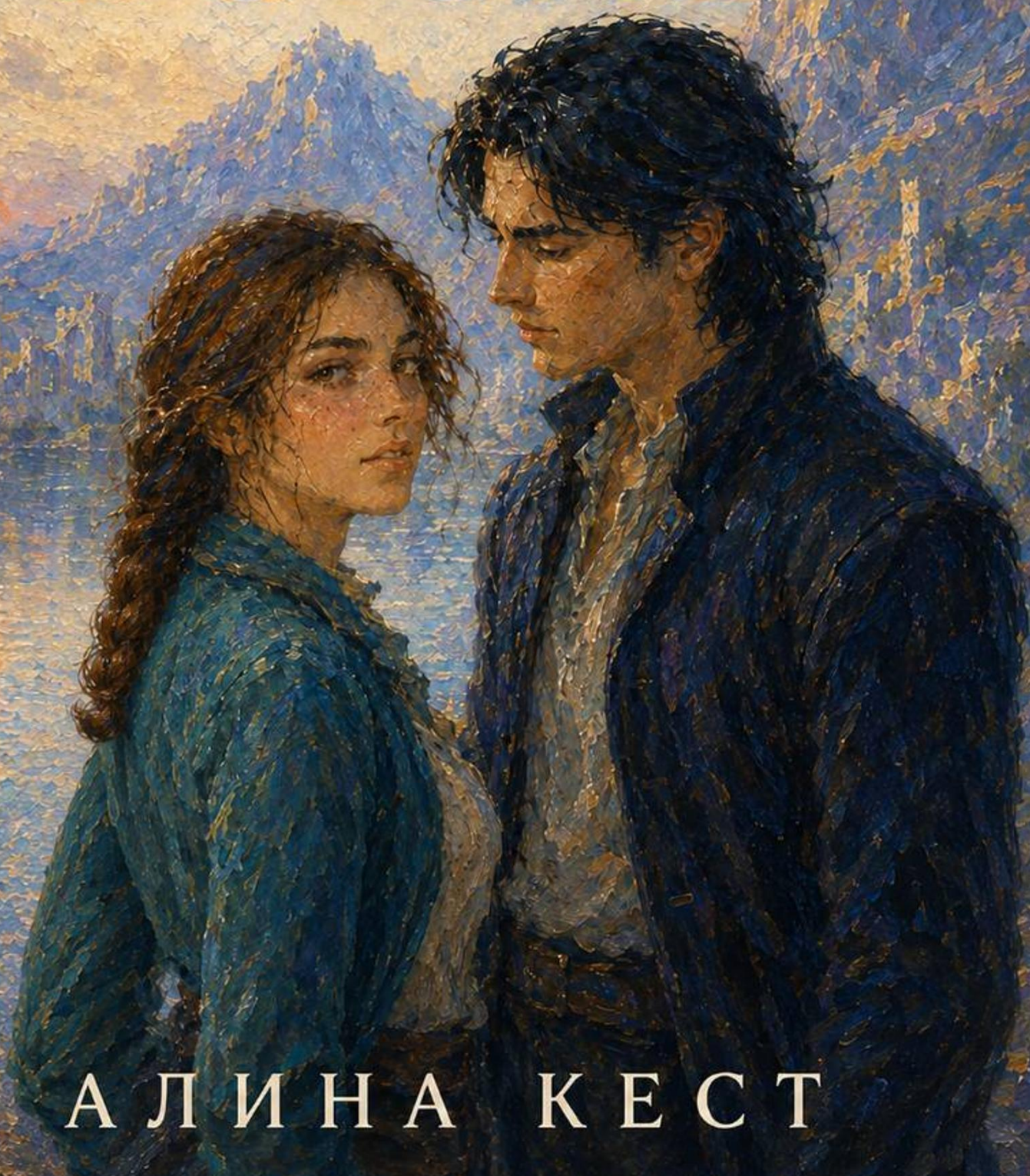

ТИРВЕНА

НЕ ЗОВИ МЕНЯ ВО СНЕ

АЛИНА КЕСТ

Алина Кест

Не зови меня во сне

«Автор»

2026

Кест А.

Не зови меня во сне / А. Кест — «Автор», 2026

Письма обещали младшей сестре Руты любовь и новую жизнь в Вельских долинах. Здесь её ждёт свадьба — на последнюю ночь осеннего праздника. Но жених этих писем не писал. Сестра отказывается от свадьбы. Рута готова увести её домой, однако проход через горы уже закрыт. Эйран, несостоявшийся жених, — страж долины. Он обращается в тёмного оленя с прозрачными рогами и удерживает рушащиеся склоны. Люди обязаны ему жизнью, но сам он вынужден исполнять приказы старейшины. Рута ищет выход из долины, а Эйран помогает ей. Вместе они находят следы тех, кто приезжал на прежние праздники и так и не вернулся домой. Эти люди ещё живы. Они спят — некоторые уже много лет. Рута всё больше узнаёт об Эйране и всё сильнее к нему привязывается. Теперь ей мало найти дорогу для себя и сестры. Она хочет, чтобы он тоже смог уйти. Для этого придётся узнать, почему одни в этой долине не могут проснуться, а другой — уснуть. Самостоятельный роман в мире Тирвены.

© Кест А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свадебное приглашение	5
Глава 2. Письма не от него	11
Глава 3. Дорога, которой нет	17
Глава 4. Платья без хозяек	24
Глава 5. Что не сказали невесте	30
Глава 6. Первый союз	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Не зови меня во сне

Глава 1. Свадебное приглашение

Трещину я заметила, когда первый мул уже миновал поворот. Она шла поперёк дороги, от самой скалы к обрыву, и под ногами у животного осыпалась земля.

— Вперёд, за камень! — крикнула я погонщику. — Остальных пока не пускайте.

Он дёрнул повод. Мул заупрямился, но всё же прошёл, задевая мешками скалу. Я подняла руку, останавливая караван. Позади стояли ещё два мула и торговец, который вёл последнего в поводу. Он обошёл животное со стороны обрыва и потянулся поправить груз.

— Отойдите от края!

Торговец обернулся на мой голос. Под его сапогом лопнул тонкий корень, и полоса земли съехала вниз. Он упал на колени, обеими руками вцепившись во вьючную сумку. Мул отшатнулся к скале. Задняя подпруга сползла, груз потащило следом за человеком.

Я бросила шест к скале и легла, чтобы дотянуться до торговца. Он был совсем близко, но ниже меня; встав на ноги, я бы сорвалась вместе с ним.

— Дайте руку. Правую!

Он не отпускал сумку. Я схватила его за рукав, потянула. Ткань затрещала.

— Бросьте её, я вас не удержу!

Наконец он разжал пальцы. Сумка ударилась о выступ, раскрылась, и вниз посыпались светлые бруски. Я едва успела перехватить его запястье. Сзади кто-то прижал меня за пояс к земле: погонщик вернулся от переднего мула.

— У левой ноги выступ, — сказала я торговцу. — Поставьте на него ступню. Теперь толкайтесь.

Он нашёл опору со второй попытки. Мы вытащили его на дорогу и попятимся к скале. В том месте, где он только что лежал, отвалился ещё кусок земли.

Торговец сел, вытер ладонью поцарапанную щеку и посмотрел вниз.

— У меня там образцы. За них заплачено.

На склоне ещё виднелся угол сумки. Пока мы смотрели, он скрылся под осыпью.

— Спуститься не получится, — сказала я.

Я дала ему флягу и пошла осматривать трещину.

Она больше не расширялась. За поворотом, шагах в двадцати, была широкая каменная площадка. Я проверила дорогу вдоль скалы, и мы перевели туда животных по одному: погонщик держал повод, я следила, чтобы мешки не цеплялись за выступы и не разворачивали мула к обрыву.

Когда все оказались на площадке, снизу донёсся глухой треск. Через дорогу, которую мы прошли, легла новая борозда. Низкие сосны на склоне наклонились вместе с землёй; одна за другой они медленно сползли и остановились гораздо ниже.

Я села на свой мешок. Ладонь была ободрана, локоть саднило сквозь рукав. Погонщик принёс мой шест.

— Обратно здесь уже не пройти, — сказал он.

Я посмотрела на склон. До темноты было далеко, а дорога на глазах становилась другой.

Я уже три года водила караваны по горной Тирвене, но в Вельские долины привела людей впервые. На привычных мне дорогах Солнечной стороны земля не уходила из-под ног так быстро. Перед отъездом наставница дала мне переписать свои схемы. Сейчас я достала тетрадь.

Камень над нашей площадкой — высокий, с отбитой вершиной — был отмечен на схеме. От него начинался безопасный спуск к северному берегу озера. Я посмотрела вниз, на белые

дома и пристани. Между двумя дальними скалами виднелась светлая полоса дороги. По ней ехали тележки.

Я поднесла тетрадь ближе. На рисунке в этом месте была щель, а у края наставница приписала: «Ждать до утра».

— А тот путь давно открылся? — спросила я погонщика.

— Каменный ход? Он не закрывается.

— Здесь написано другое.

Он взглянул через моё плечо.

— Это когда было? Я девять лет сюда езжу, всё хожу по нему. Страж держит.

Внизу два возницы остановились поговорить посреди прохода.

— И сейчас держит?

— А ты думала, сам стоит?

О стражах я знала по песням и рассказам караванщиков. Одни говорили, что это такие же люди, как мы, другие — что старше них только горы. Видеть стража мне ещё не доводилось.

Торговец вернул флягу. На ногах он держался, идти мог. Я спрятала тетрадь и велела подтянуть уцелевший груз, прежде чем двинемся дальше.

В кармане лежало письмо Таи. Три недели назад сестра известила меня о свадьбе и попросила приехать сюда, на осенний праздник. Я знала, что она переписывается с человеком из долин, но не думала, что соберётся за него замуж. Спорить по почте было поздно. Я согласилась вести сюда караван и всю дорогу придумывала, как поговорить с сестрой, не поссорившись в первые же минуты.

* * *

Тая ждала у пристани. Пока мы спускались, я успела разглядеть её жёлтое платье и корзинку на скамье. Увидев меня, она махнула обеими руками и побежала наверх. Я сняла с плеча мешок, чтобы он не мешал обнять её.

— Ты чего так долго? — спросила она, прижавшись щекой к моей шее.

— Дорога плохая.

— Я с утра сюда хожу. Мне говорили, караван уже видели.

Я отстранила её за плечи. Она обрезала волосы, и пряди у шеи загибались наружу. Пока я смотрела, Тая потянулась поднять мой мешок.

— Оставь, тяжёлый. Лучше дай воды.

На скамье нашлись и вода, и еда. Сестра развернула полотенце с пирожками, отрезала сыр. Я села, чувствуя, как неприятно тянет спину, и наконец позволила себе вытянуть ноги.

Торговец прошёл мимо нас к причалу. Тая проводила взглядом его распоротый рукав.

— Он упал?

— Чуть не съехал со склона.

Она взяла меня за руку, заметив ссадину, и полила водой из кувшина. Я поморщилась. Тая дала мне чистый угол полотенца и, пока я вытирала ладонь, рассказала, где меня поселят.

Белый дом стоял над пристанью, на широкой скале. Вдоль верхнего этажа тянулась галерея. Тая уже знала все его лестницы и объясняла дорогу так, будто прожила здесь несколько лет.

— Там, с другой стороны, есть комната с отдельной дверью, — сказала она. — Я тебе покажу. Если сдавать под мастерскую, лучше не найти.

— Ты собираешься работать здесь?

— Хочу. Я уже говорила с Дорой. Только сначала надо узнать, сколько она возьмёт за помещение.

— Я здесь уже заработала, — добавила она. — Одной девушке плохо сшили платье: сесть в нём не могла. Я выпустила по бокам. Она ещё и соседку привела.

За водой стучали молотки. На дальнем берегу мужчины ставили шесты и натягивали между ними красные ленты. Сестра смотрела туда с таким удовольствием, что я чуть не отложила разговор до вечера.

— Тая, ты ведь приехала сюда к человеку, которого не видела.

— Знаю.

— И свадьбу уже назначили.

— Я могу отказаться.

— Тебе так сказали?

Она поставила корзинку на землю и достала из кармана письма. Их было несколько, перевязанных голубой ниткой.

— Прочти. Только не вслух.

Я вытерла пальцы и взяла верхний лист. Почерк был красивый, крупный. Незнакомый мужчина рассказывал Тае о верхней комнате, где она могла бы устроить мастерскую.

«По утрам тебе придётся задвигать занавеску: свет падает прямо в лицо. Стол можно переставить. Потолок синий; если не понравится, велю побелить».

Я перечитала последние строки.

— Ты ему писала про шитьё?

— Конечно. А он ответил. Потом спросил, какие нужны полки. Ты думаешь, я только признания ждала?

Чай он любил сладкий, с мёдом. Ещё в письмах был старый пёс, который спал на отрезках, мешая разбирать ткань.

— Я и самого Эйрана толком не видела, — сказала Тая.

Я подняла голову.

— Совсем?

— Саверт обещал, что сегодня познакомит нас за ужином. Он здесь старейшина. Говорит, перед праздником страж всё время занят.

Я понимала, почему она хотела приехать. Гораздо хуже понимала, почему жених до сих пор не нашёл времени выйти к ней.

— Мне это не нравится, — сказала я.

— Мне тоже. Я с ним поговорю.

— Я хочу быть рядом.

Тая помолчала.

— Будь. Только дай мне самой спросить. Ты умеешь так начать, что потом уже никто никого не слушает.

Я сложила листы по старым стигам. Хотелось сказать, что она несправедлива, но я хорошо помнила наш последний разговор перед моим отъездом. Тогда я даже письма читать отказалась.

— Хорошо.

— Ты правда попробуешь?

— Да, Тая.

Она убрала письма и поднялась. Мешок на этот раз я дала ей унести; сама взяла шест и опустевшую корзинку.

* * *

Дора встретила нас в дверях. Крупная женщина с седой прядью над лбом, она сразу спросила, все ли добрались. Услышав об осыпи, нахмурилась.

— Хорошо, что успели. Наверху вам приготовили воду. До ужина ещё можно отдохнуть.

Мне отвели комнату рядом с Таиной. Возле кровати стояли кувшин и таз, на стуле лежало моё киноварное платье — Тая привезла его из дома. Я умылась, села на кровать и разглядывала ободранную ладонь, пока сестра ходила за повязкой.

Она помогла мне одеться, поскольку застёжки плохо поддавались одной рукой. Сама только заново причесалась, прижимая пряди мокрыми пальцами. У двери ещё раз спросила, ровно ли лежит воротник.

За столом уже сидели гости. Дора отвела нам два места рядом, а напротив велела пока не ставить блюдо: там ожидали Эйрана. Я села так, чтобы видеть вход. Тая разговаривала с соседкой, но при каждом шуме в коридоре оборачивалась.

Когда вошёл Саверт, несколько гостей привстали. Он жестом попросил садиться и подошёл к нам. Невысокий, с гладко зачёсанными седыми волосами, старейшина был одет так же просто, как остальные.

— Рута? Рад, что добрались. Сестра вас ждала.

— Спасибо, я рада, что успела.

— Как прошёл спуск?

Я рассказала об осыпи. Саверт спросил, не ранен ли кто, и распорядился проверить тропу: можно ли ещё вести животных.

Он сел во главе стола и положил рядом с тарелкой узкий футляр. Крышку открыл сразу. Я подумала, что внутри подарок Тае, и наклонилась чуть вперёд.

На тёмной ткани лежал серебряный венец. Тонкие ветви оправы охватывали прозрачный камень величиной с небольшой орех. Саверт поправил футляр, поворачивая его к себе, и в камне мелькнул синий отсвет. Лампы над столом горели жёлтым.

— Эйран, — позвал он.

Дверь в конце комнаты открылась. На пороге задержался высокий мужчина в серой рубашке и длинном тёмном жилете. Выглядел усталым. На правом виске, под тёмными волосами, белела небольшая отметина.

— Подойди, — сказал Саверт. — Это Тая. И Рута, её сестра.

Тая поднялась так поспешно, что задела стол коленом.

— Здравствуй.

— Добрый вечер.

Он поклонился ей, потом мне, и сел напротив. Тая всё ещё стояла. Я коснулась её юбки под столом, и она опустила на стул.

Дора подала Эйрану тарелку, сама положила рыбу. Он поблагодарил и потянулся за хлебом. Тая приподняла чайник.

— Здесь с мёдом. Я попросила для тебя.

Он прикрыл свою пустую чашку ладонью.

— Не нужно, спасибо. Я сладкий не пью.

Сестра посмотрела на чайник, потом на него.

— Совсем?

— Совсем.

Дора взяла у неё чайник и поставила подальше. Я ждала, что Эйран объяснится или хотя бы улыбнётся Тае, но он попросил воды и принялся есть. Я тоже взяла хлеб, хотя есть уже не хотелось.

Саверт заговорил о празднике. Восемь ночей подряд на площади будет музыка; на последнюю назначена главная церемония. Женщина возле меня спросила Дору о цветах в саду. Я отвечала, когда ко мне обращались, а сама прислушивалась к разговору напротив.

Тая решила не сразу. Сначала поинтересовалась дорогой. Эйран сказал, что на проходе всё спокойно. На вопрос, часто ли ему приходится уходить из дома, ответил, что по-разному. После каждой реплики Тая ждала продолжения.

Наконец она сказала:

— Дора показала мне верхнюю комнату. Я только не поняла, ту ли. Ты писал, что потолок синий.

Эйран положил хлеб.

— Где?

— В комнате для шитья.

— У нас нет такой комнаты.

— Я знаю, там ещё надо всё устроить. Я о потолке.

Дора перестала разливать чай.

— Потолки наверху белые, — сказал Эйран. — Дора, ты показывала другие комнаты?

— Нет, наши.

Тая опустила глаза. Потом подняла их снова, уже на Саверта. Тот как раз поворачивался к соседу, который заговорил о приезде музыкантов.

Я хотела вслух прочесть письмо, заставить их слушать. Тая едва заметно покачала головой: не сейчас.

Она выпила воды. Чашка дрогнула у самых губ, и я осторожно придержала блюдце, когда Тая поставила её обратно.

Я смотрела на Эйрана, стараясь понять, притворяется ли он. Он заметил мой взгляд, нахмурился и отодвинул тарелку.

Он даже не спросил, хорошо ли она устроилась. А может быть, мы сидели напротив человека, которому нечего было ей сказать.

* * *

После ужина открыли двери на галерею. Гости вышли к озеру: у дальнего берега спускали на воду огни. Я задержалась, пока Тая прощалась с соседкой. Та хвалила её платье и никак не отпускала.

Тая подошла ко мне, подтягивая манжету.

— Я хочу показать ему письма. Чтобы он прочёл при мне.

— Пойдём.

— Только без всех. Пожалуйста.

Эйран вышел на галерею раньше нас. Я нашла его у лестницы в сад. Он стоял у перил и смотрел вниз. Под галереей росли высокие цветы с узкими закрытыми бутонами. С противоположного берега ударили в медный круг. Ближайший к лестнице цветок шевельнулся и раскрыл лепестки; за ним раскрылось ещё несколько.

Эйран наклонился, чтобы лучше видеть. Я остановилась в двух шагах от него.

Я оглянулась на Таю. Она стояла у дверей: Саверт спросил её о чём-то, и сестре пришлось ответить. Я уже собралась позвать её, когда старейшина вышел следом.

Футляр с венцом он держал открытым, на согнутой руке.

Эйран взялся за перила и начал спускаться.

— Останься здесь, — произнёс Саверт.

Эйран не обернулся. Он перенёс вес на ногу, стоявшую на нижней ступеньке. Саверт опустил пальцы на камень.

Рука Эйрана резко сжала перила. Я видела, как побелели костяшки. Он застыл, неловко наклонившись вперёд, будто хотел сделать следующий шаг и не мог. Подол жилета ещё качнулся от движения. Потом Эйран медленно поднял ногу со ступеньки и поставил обратно, на доски галереи.

Саверт убрал руку от венца.

— Гости хотят тебя видеть. Ты весь вечер молчишь.

Эйран выпрямился. Несколько секунд смотрел на старейшину, потом повернул голову ко мне.

Я не успела отвести взгляд. Он посмотрел на мою руку на перилах, опять мне в лицо. Я чуть отступила, освобождая ему дорогу.

— Рута, — позвала Тая сзади.

Саверт закрыл футляр. Щелчок застёжки был хорошо слышен, несмотря на музыку.

— Вы уже уходите? — спросил он.

— Я устала с дороги.

Он пожелал мне спокойной ночи и обратился к Эйрану. Я не стала слушать. Взяла сестру под руку и повела через комнату к лестнице наверх.

— Ты же обещала, — сказала Тая тихо, когда мы дошли до коридора.

— Утром. Попрошу Дору устроить встречу в саду.

Она остановилась.

— Что случилось?

Я посмотрела назад. Дверь на галерею оставалась открытой; отсюда было видно плечо Саверта и край серебряного футляра у него под мышкой.

— Здесь не дадут поговорить без него. Давай уйдём.

Тая ещё немного постояла. Я не тянула её за собой. Наконец она сама повернула к нашей лестнице и пошла впереди, придерживая ладонью карман с письмами.

Глава 2. Письма не от него

Тая пришла ко мне утром со своим платьем и письмами. Я ещё не успела встать, а она уже устроилась у окна: хотела пришить оторванную петлю.

Я плохо спала. Стоило задремать, как снова видела Эйрана на лестнице: нога на нижней ступеньке, белые от напряжения пальцы. Теперь из сада доносились голоса, за стеной переносили что-то тяжёлое, и вчерашнее казалось ещё страннее. Я села на кровати.

— Ты давно встала?

— Не очень.

Сестра держала иглу у самого ушка. Конец нитки всё никак не попадал в отверстие.

— Дай мне.

— У тебя рука перевязана.

Я подошла к окну. Нитка наконец проделась, Тая подтянула её и принялась за петлю. Я стояла рядом, не зная, чем помочь. На верхнем письме было видно приветствие, обращённое к ней, и несколько строк о нашем доме. Сестра писала незнакомому человеку обо всём, чем жила. От этой мысли я разозлилась сильнее, чем вчера.

— Сейчас найду Дору, — сказала я.

Тая кивнула, не поднимая головы.

Хозяйка стояла в кухне у открытой печи. Увидев меня, она прикрыла дверцу и сразу спросила:

— Тая проснулась?

— Мы хотим поговорить с Эйраном. Одни.

— Он отдыхает.

— Долго ещё?

Дора взяла полотенце, вытерла руки. Я подождала, пока она повесит его обратно.

— Вы вчера слышали разговор за ужином?

— Слышала.

— Тогда понимаете, зачем нам это нужно.

Она посмотрела в коридор. По нему прошла девушка с корзиной дров, толкнула дверь плечом и скрылась за поворотом.

— Я спрошу, — сказала Дора.

— Вы знали, что в письмах написано?

— До приезда Таи я их не видела.

Дора выдвинула из печи противень с хлебом и поставила на доску.

— Подождите в саду. Я приведу его, когда сможет встать.

Я вернулась за сестрой. Она уже оделась и стояла у двери. Сказала, что есть не хочет, но я всё же принесла ей кусок хлеба. Пока мы ждали в зимнем саду, Тая держала его на коленях и понемногу отщипывала корочку.

Вдоль стеклянной стены сада стояли кадки. На одном кусте висела деревянная трещотка. Ветер шевелил её, она стучала по раме, и я отодвинула кадку, чтобы не слушать этот стук.

Эйран пришёл без жилета, в чистой серой рубашке. Волосы у него были влажные. Он остановился возле стола и посмотрел сначала на меня, потом на Таю.

— Дора сказала, у вас есть письма.

Сестра поднялась, положила хлеб на край блюда и протянула ему лист.

— Это первое. Прочти, пожалуйста.

Он взял письмо. Я следила за его лицом. Пробежав несколько строк, он нахмурился, перевёл взгляд на подпись.

— Я этого не писал.

Тая достала следующий лист.

— Здесь про комнату, о которой я вчера спрашивала.

Он прочёл и его.

— Тоже не моё.

— Ты кому-нибудь диктовал? Может быть, писал другой человек, а ты только говорил, что передать?

— Нет.

Она села и расправила письмо на столе.

— Покажи свой почерк.

Эйран достал из кармана обломок карандаша и сложенную записку. Там была просьба к Доре оставить ключ от задней кладовой. Буквы теснились, последняя строка спускалась вниз. Тая не стала брать записку в руки.

— Напиши сейчас.

Он перевернул бумагу.

— Что написать?

— Моё имя.

Я услышала, как скрипнул карандаш. Эйран положил его на стол и повернул лист к сестре. Она придвинула рядом письмо. В нём все три буквы были широкими и круглыми; здесь — узкие, угловатые. Тая несколько раз провела пальцем между двумя строчками.

— Ты знал, кто я?

— Саверт сказал, что приедет девушка с Солнечной стороны. Для праздника.

— Для вашей свадьбы.

— Для церемонии.

Она подняла на него глаза.

— Это разные вещи?

Эйран помедлил. Я уже открыла рот, но Тая сама повторила вопрос.

— Что тебе сказали про свадьбу?

— Что будет церемония и приедет участница. Я думал, вам всё объяснили.

— Кто объяснил?

— Саверт.

— Мне обещали мужа. Здесь написано, что мы будем жить вместе.

Сестра постучала пальцем по листу. Эйран смотрел на него, не пытаясь взять.

— Меня не спрашивали, хочу ли я жениться, — сказал он. — Спросите у Саверта, зачем он пригласил вас сюда.

— Мы сейчас с вами говорим, — вмешалась я. — Что это за церемония?

Он посмотрел на меня так, что я вспомнила вчерашнюю лестницу. Потом отвёл глаза.

— О письмах я узнал от вас.

Тая сложила письма. Она больше ни о чём не спросила, и я не стала продолжать за неё.

* * *

У лестницы сестра остановилась.

— Я всё-таки хочу посмотреть верхние комнаты.

Эйран, шедший позади, поднял голову.

— Какие?

— Все. Ты покажешь?

Он прошёл мимо нас и открыл дверь в конце коридора. За ней начиналась узкая лестница. Я хотела сказать Тае, что с письмами уже всё ясно, но она не смотрела на меня. Пошла следом за Эйраном, прижимая бумаги к груди.

На площадке пришлось пригнуться под балкой. Эйран убрал в сторону корзину с бельём и пропустил сестру к первой двери. Комната была маленькая, с пустой кроватью и окном в сад. Потолок недавно побелили: на верхнем краю ставни остались брызги извести.

— А раньше он был синий? — спросила Тая.

— Никогда не был.

Она открыла ставню и выглянула. Внизу Дора разговаривала с садовником.

Во второй комнате хранили сухие травы. Третья оказалась кладовой: мешки с яблоками, разобранная колыбель, свёрнутый ковёр. Тая не прошла и двух шагов, как остановилась.

— Здесь окно должно смотреть на мост.

Через стекло была видна глухая стена соседнего крыла. Эйран остался у двери. Я отодвинула мешок, чтобы сестра могла подойти ближе, хотя смотреть там было не на что.

— А собака? — спросила она.

— Какая собака?

— Старый пёс. Спит на ткани.

— У Брена есть пёс. Он сюда не приходит.

Тая кивнула. В руках у неё смялся край письма. Она разгладила его о подоконник, и я вдруг испугалась, что она начнёт просить ещё что-нибудь показать: кухню, стол, те самые чашки. Что мы будем ходить по всему дому, пока от рассказанного ей не останется ни одной вещи.

— Я написала ему про окно ещё в самом начале, — сказала сестра. — У нас дома моё рабочее место у стены. Если повернуться к свету, дверь не открыть. Я думала, он запомнил.

Эйран молчал.

Сестра посмотрела на него. Я ждала злости, но она спросила совсем спокойно:

— Ты хоть читал, что я писала?

— Нет. Мне не передавали писем.

Некоторое время Тая стояла у окна. Потом подошла к двери.

— Тогда помолвки нет. Ни свадьбы, ни обещания с моей стороны. Я не выйду за тебя замуж.

— Хорошо.

Она дёрнулась, будто он ответил слишком быстро.

— Скажи это и Саверту. Если он снова назовёт меня невестой, поправь его.

— Скажу.

Тая прошла мимо него. На лестнице её шаги замедлились: она держалась за перила, стараясь не задеть стену плечом. Я осталась на пороге.

— Вы могли поговорить с ней вчера.

— Да, — сказал Эйран.

Я не ожидала согласия и несколько мгновений не находила, что добавить.

— Она весь вечер ждала.

— Я видел.

— И?

Он посмотрел в сторону лестницы.

— Вам лучше сейчас пойти к ней.

Мне очень хотелось заставить его объясниться до конца. Вместо этого я пошла за сестрой. Она сидела на ступеньке, оперев локти в колени. Увидев меня, выпрямилась.

— Найдём Саверта, — сказала она.

* * *

К старейшине нас повезли после завтрака. Тая настояла, чтобы сначала поесть: боялась, что закружится голова. Она проглотила несколько ложек каши, а я ждала рядом, следя за дверью. Дора проводила нас до пристани и сказала лодочнику, где посадить.

Дом Саверта стоял на восточном уступе возле площади. Между прилавками уже ходили покупатели. Торговка показывала деревянную птицу: прижала хвост, воздух вышел из маленького меха под подставкой, и раздался свист. Тая даже не обернулась.

Нас впустили почти сразу. Саверт сидел у окна за низким столом. Рядом стоял закрытый футляр с венцом. Увидев его, я замедлила шаг.

— Доброе утро. Садитесь, — сказал старейшина. — Сейчас принесут...

— Кто писал мне от имени Эйрана?

Он посмотрел на письма у Таи в руках.

— Вы уже говорили с ним?

— Да. Он ничего мне не писал и меня замуж не звал.

Саверт отложил нож, которым поддевал ореховую скорлупу.

— Такие вопросы лучше обсуждать спокойно.

— Я спрашиваю спокойно. Кто?

Он перевёл взгляд на меня. Я осталась за Таей, у спинки стула.

— У нас многое устроено иначе, чем на Солнечной стороне. Страж почти не бывает свободен, особенно перед обновлением. Люди помогают ему, принимают на себя заботы...

— Они отвечали на мои письма вместо него. Обещали от его имени жениться. Он даже не знал, что я писала.

Тая положила перед старейшиной лист.

— Прочтите.

Саверт к бумаге не прикоснулся.

— Мне жаль, что знакомство оказалось для вас неприятным. Эйран бывает резок. Я поговорю с ним.

— С ним не надо. Я хочу услышать, кто это написал.

Он вздохнул, словно Тае предлагали достаточное объяснение, а она упрямо не желала понять.

— Вы приехали по приглашению на праздник. Вас приняли, приготовили дом, отвели почётное место. А теперь делаете виноватыми людей, которые хотели вам добра.

Я придвинулась к столу. Тая заметила это и подняла руку, не давая мне начать.

— Я приехала познакомиться с будущим мужем, — сказала она. — У меня есть ваши письма. Я отказываюсь от свадьбы. Приготовьте нам дорогу обратно.

Из соседней комнаты донёсся стук. Саверт подождал, пока там стихнет, и сложил руки перед собой.

— Внешний проход закрылся ночью.

— Мы найдём другой, — сказала я.

— Сейчас другого нет.

— Покажите мне нынешний склон.

— Рута, вы впервые в долине. Человек, который ездит здесь много лет, не стал бы так говорить.

— Он тоже попросил бы показать.

— Я пошлю с вами работника, — сказал Саверт. — Увидите сами.

Тая села, потирая затёкшие пальцы.

— По озеру можно добраться до другой дороги? — спросила она.

— Озеро внутри хребта. Ваша сестра знает.

Я ещё не видела берегов и не собиралась верить ему на слово.

— Когда откроется проход? — спросила я.

— После восьмой ночи. К тому времени вы познакомитесь с нашими обычаями и перестанете судить поспешно.

Он повернулся к Тае.

— Оставайтесь в Белом доме. За вами будут ухаживать. Не надо принимать решения, о которых потом пожалеете.

— Решение я приняла.

— Здесь вас ждут люди. Для них это важный праздник.

— Я не соглашалась на то, что вы им объявили.

Саверт потянул к себе письмо и начал складывать. Тая сразу прижала ладонью нижний край.

— Оставьте.

— Мне нужно разобраться.

— Разбирайтесь. Я подожду, пока прочтёте. Но письмо останется у меня.

Его пальцы ещё держали бумагу. Сестра не отпускала. Я смотрела на две руки по сторонам листа и боялась, что он порвётся. Наконец Саверт разжал пальцы.

— Вам дадут знать о проходе, — сказал он.

Тая забрала письмо. Я подала ей остальные, которые она оставила на столе, и мы вышли.

У прилавка с птицами сестра вдруг остановилась и вцепилась мне в руку. Я отвела её под навес, где было свободнее.

— Сядешь?

Она покачала головой. Прислонилась лбом к моему плечу. Я стояла, держа её за спину, и смотрела через улицу на открытую дверь Савертова дома.

Торговка налила нам воды. Тая выпила, вытерла губы и долго держала чашку обеими руками. Потом вернула её и нажала на хвост деревянной птицы с синей грудкой. Птица свистнула низко, совсем не так, как ожидалось. Сестра коротко рассмеялась, и смех сразу оборвался.

— Возьмём? — спросила я.

Тая пожалала плечами. Я заплатила. Она не потянулась за покупкой, и я убрала птицу в карман.

* * *

Человек Саверта пришёл в Белый дом раньше нас. Он ждал возле лестницы и поднялся, едва мы вошли. Сказал, что проводит меня к осыпи.

Я переобулась и взяла шест. Тая стояла у стола с письмами.

— Я с тобой.

— Ты устала.

— А ты нет?

Я посмотрела на её руки. Сестра прижимала к столу лист, хотя окно было закрыто и его не могло унести.

— Там плохой подъём. Дай мне сначала посмотреть. Если найдётся путь, вернусь за тобой.

— Ты обещаешь, что не уйдёшь дальше одна?

Я пообещала. Тая отпустила бумагу и села.

Мой спутник представился работником прохода. По дороге он почти не говорил. Я спросила, когда он в последний раз был наверху. Он ответил: утром.

Мы поднялись мимо большого камня. Дальше я узнала только сосны, которые вчера росли у поворота. Теперь они лежали поперёк узкой щели, с вывернутыми корнями. Землю, по которой мы вели мулов, прижало к противоположной скале. Над ней торчали обломки ветвей.

Я подошла ближе, присела. Из щели капала вода. На её краю лопались комья земли и падали внутрь; движение ещё не закончилось. Спутник ждал позади.

— Вы говорили, осмотрели утром.

— Да.

— Так же было?

— Немного шире.

Я проследила взглядом трещину. Если бы удалось подняться над ней, можно было бы проверить соседний уступ. Но со склона ещё сыпалось, а над щелью лежало дерево, державшееся одним корнем. Я не полезла.

— Когда это откроется?

— После праздника.

— Я спрашиваю, когда пойдёт обратно земля. Что вы сами видели в прошлые годы?

Он пожал плечами.

— Страж скажет.

Я отошла к краю площадки, чтобы посмотреть вниз. Там начиналась отвесная стена, уходившая в воду. Узкий карниз кончался через несколько шагов. Лодка могла бы подойти к основанию, но спуститься туда со всеми вещами было негде. Что лежало за выступом, я не видела.

Мне хотелось найти хоть что-нибудь, с чем можно было вернуться к сестре. Я ещё раз обошла площадку, проверила склон сбоку, достала тетрадь. Вчерашняя тропа на рисунке упиралась теперь в сплошную стену. Рядом я набросала новое положение камней и поставила дату.

— Насмотрелись? — спросил работник.

Я закрыла тетрадь.

— На сегодня хватит.

Он повёл меня вниз. У Белого дома пожелал хорошего отдыха и остался во дворе, разговаривая с человеком, который принёс дрова.

На нашей лестнице появилась скамья. Женщина в тёмном платье сидела на ней с шитьём. Когда я потянулась к двери, она подняла голову.

— Вас будут звать на обед. Далеко не уходите.

— Вы от Доры?

— Помогаю с гостями.

Я вошла и притворила дверь. Тая подняла глаза от стола. Возле старых писем лежали два чистых листа; один она уже наполовину исписала.

— Закрыто?

— Да. Пройти сейчас нельзя.

Она положила перо. Я сняла куртку и повесила на стул. Хвостик птицы в кармане упёрся в спинку, и раздался свист. Тая протянула руку, и я отдала ей покупку.

— Он соврал о свадьбе, — сказала она, глядя на синее крыло. — А про дорогу говорит правду.

— Про эту дорогу — да. Остальные проверю.

— Я начала переписывать письма. Если он всё-таки заберёт их, хоть копии останутся.

Я села рядом. В коридоре скрипнула скамья, слышались шаги. Сестра подождала, пока они стихнут.

— Дора рассказывала, что свадьбы бывали и раньше, — произнесла она тише. — Хочу узнать, кто здесь ещё был невестой. И где теперь эти женщины.

Я придвинула к себе чистый лист. Тая подала мне письмо, которое уже закончила переписывать, а я стала сверять его с копией.

Глава 3. Дорога, которой нет

До обеда оставалось время, и я решила ещё раз подняться к внешнему склону. На этот раз — выше того места, куда водил меня человек Саверта.

Тая выслушала меня и отодвинула письма.

— Когда вернёшься?

— К обеду. Хочу посмотреть соседнюю расселину.

— Я буду ждать здесь.

Я надела куртку, взяла сумку и шест. Тая вышла со мной и заговорила с женщиной на скамье, спросила, скоро ли обед. Пока та отвечала, я спустилась на кухню. Дора была во дворе, принимала дрова. Я обошла работников и вышла через заднюю калитку прямо на тропу.

Над домом шумели сосны. Я обошла вчерашний поворот по верхнему краю и стала подниматься вдоль старого ствола, который упал к скале. Его корни всё ещё держались в земле. Под стволом было тесно; пришлось проталкивать шест вперёд и забираться боком. Зато отсюда я могла увидеть соседнюю расселину.

Она тоже сомкнулась. Вода, прежде шедшая по дну, теперь стекала по отвесной стене. Поперёк неё торчали обломанные ветви, под ними застрял большой плоский камень. Я долго смотрела на его нижний край: может быть, за ним оставался карниз. С моего места казалось, что да.

Я попробовала обойти ствол. Земля под пяткой продавилась. Ниже лежала гнилая древесина, а ещё ниже — пустота между корнями. Я перенесла вес обратно на скалу и вернулась тем же путём.

Сюда мне уже не хотелось вести даже одного человека. И всё-таки я не сразу спустилась. Проверила глазами дальний гребень, попыталась сопоставить его с рисунком в тетради. На Солнечной стороне я знала тропы, которыми не пользовались торговцы: где можно пройти налегке, где переждать ночь. Здесь над каждой такой тропой за ночь могла оказаться скала.

Камень, на котором я сидела, нагрелся от солнца. Ниже блестело озеро. За белыми домами поднимался дым, к пристаням подходили лодки. Я достала хлеб, который взяла с кухни, откусила. Очень хотелось вернуться к сестре с чем-нибудь получше, чем новым рисунком закрытой дороги.

Лодка появилась из-за выступа почти подо мной. Рыжеволосый мужчина складывал парус, прижимая мокрую ткань коленом. Он поднял голову и заметил меня.

— Вам вниз надо?

Я подошла к краю площадки.

— Здесь есть спуск к воде?

— За кустами. Только держитесь правее, там перила кончились.

Я посмотрела на тропу. Она была выбита в цельной скале и уходила к маленькой площадке у самой воды.

— Подождёте?

Лодочник снова прижал парус, который норовил развернуться.

— Пока с этим справлюсь, успеете.

* * *

Когда я спустилась, он уже убрал парус под скамью. Подал мне руку, помог переступить через борт и спросил, к Белому ли дому везти.

— Сначала хочу осмотреть берег. Вы хорошо его знаете?

— Я здесь вырос. Брен.

— Рута.

— Сестра Таи? Дора говорила, вы проводница.

Я кивнула и спросила о плате. Он назвал обычную цену за час. Я отдала монету: так было проще сразу договориться, куда мы идём и сколько у меня времени.

Под скамьёй стоял горшок со смолой. Один борт лодки был свежеекрашенный, другой покрывали потёртые пятна. Я села на старую сторону, убрав куртку от липкого края.

— Осторожнее с локтем, — предупредил Брен. — Вчера доделать не успел.

— Дождь помешал?

— Дома печь разбираем. Нэйла позвала помочь и решила, раз уж я пришёл, надо ещё полку перевесить. А потом выяснилось, что старая стена сыплется.

Он оттолкнулся веслом от берега.

— Она говорит, можно оставить всё до зимы. Только каждый раз, когда я прихожу, возле стены лежит что-нибудь новое. Вчера — кирпичи.

Брен улыбнулся, рассказывая об этом. По его голосу я поняла, что жалуется он без всякой надежды на сочувствие.

Лодка шла вдоль северного уступа. Снизу было видно, на чём стоял Белый дом: большой пласт тёмного камня уходил в озеро почти отвесно. У воды висели мостки, выше росли деревья. Между соседними уступами тянулась полоса земли с разорванной тропой. Она могла двигаться, не задевая ни дом, ни сад.

— Там торговая пристань, — Брен показал веслом через озеро. — За ней площадь. К югу старые каменоломни. Куда сначала?

— К стоку. Озеро ведь куда-то вытекает.

Он перестал грести.

— Ты хочешь выйти из долины?

— Мы с сестрой хотим уехать.

Брен посмотрел на склон, с которого снял меня.

— По воде не получится.

— Покажи.

Он ничего не возразил. Развернул лодку, и мы пошли под северную стену, где солнце уже не доставало до воды. Стало прохладнее. Течение понесло мимо борта сухие листья и стружку.

Брен удерживал лодку на месте, пока я смотрела под каменный навес. Вода уходила в чёрную горизонтальную щель. Над ней оставалось такое узкое пространство, что туда не прошла бы моя рука. Я опустила конец шеста в воду. Его сразу потянуло к скале.

— Дальше тоже камень, — сказал Брен. — Весной здесь ревёт так, что наверху слышно. Если бы был выход для лодки, я бы сам по нему ездил.

Я вынула шест. Вода с наконечника капала мне на ботинок.

— А берег за западным выступом?

— Такой же. Отвезу, если хочешь. Только до обеда не вернёмся.

Я ещё раз посмотрела на щель и попросила показать хотя бы ближайшую часть стены. Мы обогнули выступ. Карниз, который я видела сверху, действительно обрывался над водой. За ним начиналась гладкая скала. Пристать было не к чему.

На обратном пути Брен отпустил весло и дал лодке пройти по тихой воде. Теперь под нами было видно дно. Среди круглых камней лежали ровные плиты, одна выше другой, словно ступени лестницы. Они уходили под воду и терялись в зелёной глубине.

— Старый причал? — спросила я.

— Дед так говорил. А Нэйлина бабка уверяла, что это крыши и внизу целый город.

Я перегнулась через борт. У ближней плиты сохранился ровный край, дальше на нём выросли водоросли. Если здесь и был город, я не могла представить, как в нём жили люди.

— Кто-нибудь спускался?

— Ныряли. Камни нашли. Можешь спросить у рыбаков, только они ещё и не такое расскажут.

Мы прошли мимо двух сосен на маленьком острове и повернули к старой пристани. Лестница от неё обрывалась в зарослях. На покосившемся столбе висел кусок верёвки. Брен провёл лодку так близко, что я различила двойной узел и синюю нитку в выцветших волокнах.

Он протянул руку, коснулся узла.

— Моя снасть.

— Ты здесь причаливал?

— Давал лодку на праздник. Лет пять назад. Мне её так и не вернули.

Я посмотрела на заросшую лестницу.

— Кто брал?

Брен потянул верёвку. Старые волокна заскрипели, и он сразу отпустил.

— Из дома Саверта попросили. Сказали, отвезти гостей. Потом — что гости забрали лодку на дальний берег и ушли через проход.

— Ты искал?

Он резко повернул голову.

— Это была хорошая лодка. Я её сам строил.

— Прости. Я хотела спросить, что удалось узнать.

Брен некоторое время молчал, глядя на столб.

— Дальше меня не пустили. Говорили, камни двигаются. Потом принесли обломок кормы: вот, нашли твою. Он был чужой. Даже доски другой толщины.

— А те люди?

— Их я не видел.

Я заметила, как он смотрит на полосу воды за выступом, и больше не спрашивала. Верёвку он оставил на столбе. Весло положил поперёк колен; лодку медленно относил от берега.

— Сам свивал эту верёвку, — сказал он. — Вплёл синюю нить, чтобы снасти не путали на причале.

Я запомнила место. От лестницы до воды теперь пришлось бы спускаться по камням.

— До Каменного хода успеем? — спросила я.

Брен поднял глаза на солнце.

— Успеем. Там сегодня много возят.

* * *

На восточной площадке перед проходом стояла очередь телег. Возчики переговаривались, погоняли мух с лошадиных морд. Возле перевёрнутой тележки мужчина чинил колесо. Две женщины перекладывали яблоки из корзины в корзину, убирая мятые.

Я сошла на пристань и поднялась по ступеням. Каменный ход отсюда был виден целиком: широкая полоса между восточным и южным уступами, над которой нависал склон. У внутреннего края дороги тянулись мелкие трещины. Из одной сыпалась пыль.

Эйран стоял у стены. Я сперва решила, что он просто ждёт, пока пройдёт обоз, но потом увидела его руку: ладонь была прижата к камню, пальцы неподвижны. Он заметил меня и чуть повернул голову.

Брен вышел следом за мной.

— Держись здесь. Ближе не надо.

У телег появился Саверт. Сегодня футляр нёс слуга. Старейшина выслушал возчика, посмотрел на нагруженную телегу и велел пропустить её первой.

— За ней остальные тяжёлые. Корзины подождут.

Эйран убрал ладонь от стены.

— Сразу все не надо. Пусть пройдут две.

— У людей работа стоит.

Слуга открыл футляр. Саверт положил руку на оправу.

Я смотрела на Эйрана. Он резко вдохнул, пошатнулся. Воздух возле него на мгновение замутился, и там, где стоял мужчина, оказался тёмный олень.

Я отступила, задев плечом Брена. Олень был гораздо крупнее тех, которых мне доводилось видеть в лесу. Узкая морда повернулась к проходу; возле правого виска белела та же отметина. Прозрачные рога ветвились над головой, отбрасывая на стену светлые блики. Сквозь них была видна скала, искажённая, будто за толстым стеклом.

— До последней телеги, — сказал Саверт.

Олень шагнул к трещине и упёрся передними копытами в камень. Раздался низкий скрежет. На дороге качнулась телега, лошадь попятилась, но осыпавшаяся из шва пыль перестала идти. Возчик схватил лошадь под уздцы и провёл вперёд.

Я стояла на открытой полке над озером и не могла заставить себя отойти. Человек, с которым утром говорила моя сестра, исчез. Вместо него у стены тяжело дышал зверь, и всё же, когда он повернул голову на крик погонщика, движение показалось мне знакомым.

По проходу шла первая телега. За ней двинулась вторая, нагруженная досками. Третья зацепилась колесом за край камня. Возчик ударил ладонью по оглобле и закричал, чтобы ему помогли.

Олень переставил заднюю ногу. Его переднее копыто оторвалось от земли, будто он хотел шагнуть в сторону.

Саверт прижал пальцы к камню.

Копыто застыло над трещиной. Через мгновение олень поставил его на прежнее место. Я почувствовала холод вдоль спины: вчера Эйран так же вернул ногу на галерею.

— Он может сам сойти? — спросила я у Брена.

Брен смотрел на телегу.

— Сейчас нельзя.

— Я вижу. Но если захочет?

Возчик позвал ещё раз. Брен сбегал на дорогу и взялся за задний борт. Я пошла за ним. Толкнули вместе, но колесо только скрипнуло. Один из мужчин принёс обломок доски, подsunул под обод. Я держала его, пока остальные толкали.

Борт дёрнулся вперёд. Колесо прошло по доске и соскочило на ровный камень. Я убрала руки; повязка на ладони зацепилась за щепку и сползла. Брен поднял доску, освобождая путь следующей телеге.

— Назад, — сказал он мне. — Здесь больше не стой.

Я вернулась к лестнице. Олень оставался у стены. Солнце освещало ветвистые рога, и теперь я различала дрожь в их тонких концах. Больше всего хотелось, чтобы последнюю корзину наконец унесли с прохода.

Когда это случилось, Саверт поднял руку от венца. Олень отступил. На мгновение я потеряла его очертания, а потом у скалы снова стоял Эйран. Одной рукой он опирался о камень. Вторую прижимал к груди, тяжело дыша.

Я подошла с флягой. Он заметил её не сразу. Взял, сделал несколько глотков и остановился, держась пальцами за горлышко.

— Присядьте, — сказала я. — Здесь есть ступенька.

Эйран покачал головой.

— Мне нужно домой. Спать.

Он вернул флягу, но я не отошла.

— Брен отвезёт.

— Я могу идти.

— По берегу идти долго. А лодка здесь.

Он посмотрел вниз, на пристань, и ничего не ответил. Брен поднялся к нам, подхватил Эйрана под локоть. Тот сначала напрягся, потом позволил проводить себя к ступеням.

Саверт подошёл, когда мы уже собирались спускаться.

— Теперь вы видели, зачем нам страж, — сказал он мне. — Без него здесь совсем другая жизнь.

Я посмотрела на закрытый футляр. Очень хотелось спросить, зачем для этой жизни заставлять человека стоять, когда он уже не может. Но Эйран был рядом. Я только сказала, что нам пора в Белый дом.

* * *

На северной пристани Брен высадил Эйрана первым. Тот поднялся к дому, держась за перила. Я проводила его до верхних ступеней, но он обернулся и попросил не идти дальше.

— Дора дома. Она знает.

Мне это не понравилось, однако навязываться я не стала. Вернулась расплатиться с Бреном за лишнее время. Он покачал головой и занялся верёвкой.

— Ты Эйрана давно знаешь? — спросила я.

— С детства.

— Он всегда так возвращается?

Брен затянул узел.

— Сегодня тяжёлый груз.

Я подождала, но он больше ничего не сказал. Тогда попросила его осмотреть со мной остальные берега, когда будет время. Он согласился.

Тая нашла меня на галерее. Рядом на скамье лежало большое белое полотнище. Женщина, которая прежде сидела у нашей двери, теперь штопала в дальнем конце.

— Помоги подержать, — сказала сестра.

Мы развернули ткань вдоль перил. Тая принялась мерить длину, передавая мне край. Полотнище заслонило нас от скамьи.

— Я уже собиралась искать Дору, — сказала она тихо.

— Прости. Мы видели работу у прохода.

— Вы?

Я назвала Брена. Рассказала о лодке, стоке, стенах вокруг озера. Тая слушала, прижимая ткань к перилам, чтобы её не унесло ветром.

— То есть дороги нет?

— Сейчас я её не нашла. Но ещё не всё видела.

— А Эйран? Его привезли с вами?

Я кивнула.

— Он превращается в оленя. При мне держал склон, пока ехали телеги.

Сестра перестала двигаться. Полотнище провисло между нами.

— В оленя?

— Да. Это он, Тая. Я видела, как менялся.

Она смотрела на меня, пытаясь понять, не ослышалась ли. С дальнего конца галереи женщина попросила не ронять ткань. Мы обе потянули её выше.

Я стала говорить ещё тише. Рассказала про камень в венце и неподвижное копыто, потом — что видела на лестнице накануне. Тая долго не отвечала.

— Значит, Саверт может заставить его сделать что угодно?

— Не знаю, что угодно ли. Я видела, что он не мог уйти.

— А мне обещали, что мы будем путешествовать вместе.

Она посмотрела на дверь, за которой скрылся Эйран, и отвернулась.

— Дора что-нибудь сказала тебе о других невестах? — спросила я.

— Говорит, одни оставались, другие уезжали. Имена не назвала. Я спросила, сохранились ли адреса. Она ответила, что дел много, некогда искать, и позвала меня разбирать старые сундуки.

— Ты согласилась?

— Да. Там ещё и одежда. Может быть, хоть на вещах имена остались.

Сестра пометила нужную длину мелом и попросила держать крепче. Я прижала полотно локтем. За ним были видны руки Брена: он привязывал лодку у кухонной пристани. К нему подошла темноволосая женщина, забрала кисть и показала на пятно у него на щеке. Брен стёр его ладонью, размазав ещё сильнее. Женщина рассмеялась.

Я смотрела на них, пока Тая не потянула ткань к себе.

— Ты мне весь край перекошишь.

Я выравнивала полотно и взяла ножницы. К сундукам мы решили пойти вместе, сразу после обеда.

Глава 4. Платья без хозяек

Сундуки поставили в пустой комнате напротив бельевой. Раньше там хранили садовые подпорки и сломанные стулья; в углу ещё лежали обломки прутьев, которые не успели вынести. Тая открыла окно, а я помогла работнику подвинуть стол к свету.

Нам поручили выбрать ткань для праздничной галереи. Дорина помощница принесла ножницы, объяснила, какой длины нужны полотнища, и попросила не резать вышитое.

— Всё хорошее отдельно. Сама потом разберу.

В первом сундуке лежали занавеси. Тая расправляла их на столе, осматривала на просвет. Я держала противоположный край и складывала то, что ещё можно было использовать. На некоторых тканях пятна не отстирались, зато середина оставалась крепкой.

— Здесь хватит на две полосы, — сказала сестра. — Подвинь к себе.

Мы работали молча. Я уже не тянула ткань, как на галерее; Тая показывала, за что взяться, и больше не поправляла меня на каждом движении. Когда дошли до второго сундука, у окна выросла аккуратная стопка готовых полотнищ.

В третьем была одежда. Несколько старых накидок, рубашки, широкая юбка с оторванным крючком. Я вытянула снизу тяжёлый синий свёрток и развернула на столе. Это оказалось платье, слишком хорошее для ветоши.

По подолу шли маленькие светлые лодки. Я провела ладонью по складкам: ткань не истлела, вышивка держалась. Тая подняла платье за плечи, примеряя длину на глаз.

— Зачем его сюда бросили?

— Может, стало мало.

Сестра вывернула боковой шов.

— Здесь можно выпустить. Вон сколько оставили.

Она проверила карманы. В одном что-то стукнуло, и Тая достала узкую деревянную бирку на кожаном шнурке. На бирке было выжжено имя: Села. Ниже стоял год.

Я взяла её. Такие прикрепляли к дорожному мешку, когда отправляли вещи отдельно от хозяина. Имя и год читались хорошо, хотя края дерева затёрлись.

— Тысячи таких видела, — сказала я. — На караванных дворах. Только эту давно сделали.

Тая посмотрела на число.

— Двадцать лет?

Я пересчитала. Кивнула.

Помощница вернулась за пустым сундуком. Сестра подняла платье.

— Его кому вернуть?

— Никому. Оно здесь давно.

— Хозяйку звали Села.

Женщина взглянула на бирку и отодвинула к стене стопку занавесей.

— Да, была такая. Вышла замуж, уехала. Берите, что годится.

— А платье оставила?

— Я за всеми не помню.

Тая бережно положила ткань на стол. Я полезла в сундук за остальным: если здесь были Селины вещи, могло сохраниться что-нибудь ещё.

Под рубашками лежал маленький кожаный футляр. Внутри оказался браслет с тремя неровными серебряными овалами. Один прежде согнули, потом выправили: на металле осталась вмятина. На застёжке зацепилась синяя нитка.

Я показала браслет Тае. Она наклонилась, поднесла к нему карман платья. Подкладка была подшита такой же ниткой.

— Это всё вместе привезли?

Помощница наконец подошла к столу. Браслет она не взяла, только провела пальцем по кожаному футляру.

— Спросите Дору. Она знает, чьи сундуки.

— Так что делать с платьем?

— Пока отложите. Только заверните, здесь пыльно.

Мы завернули и платье, и браслет. Дорожную бирку я взяла с собой.

* * *

Дора была в саду. Она подвязывала к подпорке тяжёлый цветочный стебель и попросила меня придержать его, пока затянёт узел. Ветвь гнулась мне на плечо, листья щекотали щёку. Когда я отпустила, Дора проверила, не передавлен ли стебель.

— Нашли хорошую ткань?

Я протянула бирку.

— Нашли платье. Синее, с лодками.

Дора вытерла пальцы о передник и взяла деревяшку. На имени остался след земли.

— Селы, — сказала она.

— Вы её помните?

— Помню.

Она присела на низкую скамью. Я осталась рядом, держась за подпорку, пока Дора рассматривала потёртый шнурок.

— Она приехала на свадьбу?

Хозяйка кивнула.

— В этом году? — Я показала на бирку.

— Да.

От озера потянул ветер. На другом конце сада хлопнула дверь, и Дора подняла голову.

— Что с ней стало потом?

— Говорили, уехала.

— Вы провожали её?

Дора провела большим пальцем по выжженному имени.

— Нет.

Я села на край скамьи. Хозяйка чуть отодвинулась, освобождая место.

— Моя сестра тоже собиралась здесь остаться. Ей писали о доме. Теперь выяснилось, что писем Эйран не видел. Мне нужно узнать, как было у других.

— Я понимаю.

— Тогда расскажите.

Она долго молчала. Я смотрела на её руки и боялась, что сейчас она вернёт бирку и снова возьмётся за цветы.

— Села очень хотела поймать огни из озера, — сказала Дора наконец. — Всё спрашивала, нельзя ли их зачерпнуть чашкой. Мы сидели на пристани, она наклонялась к воде, а я держала её за пояс. Боялась, что упадёт.

Я представила пустую сейчас пристань и двух женщин, которые смеялись там двадцать лет назад. Селиного лица я не знала. В уме почему-то появлялась Тая, и я отвела взгляд.

— Стражем тогда был Эйран?

Дора посмотрела на меня.

— Нет, он был ребёнком. Мой брат Ренар. Его отец.

— И Села должна была выйти за Ренара?

Хозяйка стиснула бирку.

— Готовили церемонию. Я тогда не спрашивала так, как спрашиваете вы.

Мне показалось, в её голосе появилась обида. Я устала беречь чувства людей, которые ничего не могли или не хотели нам сказать, и всё же спросила тише:

— Вы хоть знаете, жива ли она?

Дора покачала головой.

Я больше не спрашивала. Она смотрела на землю перед скамьёй. У ног лежали концы бечёвки, которой мы подвязывали цветок.

— Платье резать не станем, — сказала я, вставая. — И браслет там был. Мы завернули.

Дора вернула бирку. На кончиках пальцев у неё осталась светлая пыль с дерева.

— Сегодня на площади игра гостей, — произнесла она. — Тая может пойти, если захочет.

Там ничего не нужно обещать. Просто ужин и музыка.

Я посмотрела на хозяйку.

— А вы будете?

— Буду.

Мне хотелось спросить ещё многое. Вместо этого я подняла с земли бечёвку, положила возле её садовых ножниц и пошла к дому.

* * *

К вечеру на площади расставили столы. Кто-то принёс из дома круглый, кто-то сколотил скамьи из досок; один стол стоял на двух бочках. Над всем этим развесили тканевые фонари, в которых уже зажигали лампы.

У лестницы выдавали ленты с вышитыми именами. Настоящие до первого блюда полагось скрывать. Можно было пригласить за свой стол любого, а отказаться — без объяснения.

Тая перебрала несколько лент и выбрала «Скворец». Женщина с корзиной цветов узнала её и махнула от соседнего стола. Сестра спросила, не пойду ли я с ней.

— Иди. Я ещё похожу.

Она задержалась.

— Ты опять собираешься расспрашивать?

— Не сейчас.

Тая посмотрела на меня внимательно, потом ушла к знакомым. Мне досталась лента «Северный Ветер». Я завязала её на запястье и пошла между столами, стараясь не искать глазами Саверта.

Эйран стоял возле сложенных стульев. В руках держал две чашки. Увидев меня, слегка кивнул.

— Вы выпались? — спросила я.

— Да. Спасибо за лодку.

Он говорил ровно и стоял без опоры. Я посмотрела на чашки.

— Вы кого-то ждёте?

— Дора попросила принести. А сама куда-то ушла.

Под большим фонарём был свободный стол. Я показала на него.

— Давайте поставим там. Потом найдёт.

Мы сели друг против друга. Я не была уверена, останется ли он, когда освободит руки, поэтому быстро спросила:

— Вы давно играли в эту игру?

— Когда был моложе. Теперь меня всё равно узнают.

— А раньше не узнавали?

— Дети умеют делать вид, что не знают. Если сами хотят играть.

Он поставил чашку передо мной. В ней был горячий настой. От него пахло травой, знакомой по верхним склонам, но название я не вспомнила.

— Без мёда, — предупредил Эйран.

— Я добавлю, если понадобится.

Он кивнул. Посмотрел на пустое место возле своей руки, будто только сейчас заметил, что остался без ленты.

— Вам нужно имя, — сказала я.

— Плотник подойдёт?

— Вы и это умеете?

Эйран покачал головой.

— Пытался помочь Брену с лодкой. Он дал мне кусок доски, показал, что снять по краю. Я снял слишком много. Пришлось начинать заново.

— Первый раз всегда долго.

— Во второй доска треснула. Брен велел мне ставить чайник.

Я улыбнулась. Он рассказывал без досады, и мне впервые не хотелось подбирать ответ, который не заденет его.

Мальчик принёс поднос с лепёшками и печёной редькой. Сзади его окликнули, он повернулся слишком быстро, и я придержала поднос, чтобы чашка не опрокинулась на Эйрана. Мальчик торопливо извинился и убежал к следующему столу.

— Я в его возрасте тоже носила еду, — сказала я. — Отец работал возле пристани. Мать посылала меня отнести обед, а я по дороге всё пыталась заглянуть в мастерские.

— И приносили холодный?

— Несколько раз пришлось вернуться за новым. Потом стали отправлять Таю.

Эйран улыбнулся. Я оторвала край лепёшки, обмакнула в соус. С другого конца площадки доносилась музыка. Возле Таинога стола спорили о чём-то, и сестра смеялась, запрокинув голову. Я посмотрела на неё и только тогда поняла, что всё ещё сижу в куртке. Расстегнула, сняла и повесила на спинку.

Эйран подвинулся, когда я потянулась за чашкой. Рядом с его локтем стояла ветвь с закрытыми цветами. Он повернул её к свету, убрал лист, зажатый между стеблем и краем сосуда.

— Они тоже раскрываются от музыки?

— Да. Только эти привезли с верхнего уступа, они ещё холодные.

Я коснулась одного бутона. Лепестки холодили пальцы.

Некоторое время мы ели молча. Мне было удобно с ним сидеть. Он не спрашивал, надолго ли я останусь, не возвращался к свадьбе, и я тоже не хотела начинать. От горячей еды согрелись руки. Под фонарём было тесно, люди проходили совсем близко, задевали спинку стула. Эйран однажды придержал мой стул, когда его толкнули, и сразу убрал руку.

— Вы всё время в дороге? — спросил он.

— Не всё. Иногда жду работы дольше, чем хочется.

— Возвращаетесь домой?

— Если недалеко. А если далеко, снимаю комнату. Один раз прожила месяц над пекарней. Вставала вместе с пекарем, хоть никто не просил.

— Шумно было?

— Очень. Зато внизу давали завтрак.

Я заметила, что уже рассказываю охотно, и смутилась. Ему, вероятно, редко удавалось уйти из долины, а я жаловалась, как трудно спать над хорошей пекарней.

— Расскажите ещё, — сказал Эйран, когда я замолчала.

Я посмотрела на него. Он ждал, держа в руке недоеденный кусок хлеба.

— Там окно выходило прямо на вывеску. Ночью не было видно улицы, а когда шёл дождь, с неё капало на подоконник. Я подкладывала полотенце. Всё собиралась попросить другую комнату, но в этой за стеной жила старуха. Она знала, когда отправляются караваны, и будила меня, если я просыпала.

Я рассмеялась, вспомнив, как она колотила в стену палкой. Эйран тоже засмеялся, тихо. Мне хотелось продолжать, пока у него было такое лицо.

Он первым заметил Саверта. Положил хлеб на поднос и посмотрел в сторону лестницы. Я обернулась.

Старейшина шёл к нам с открытым футляром. Люди расступались, приветствовали его. Он отвечал на ходу.

— Эйран, ты нужен у дальнего настила.

— Я только сел, — сказал Эйран.

Саверт остановился рядом со столом.

— Там задержались тележки. Это ненадолго.

Он коснулся камня. Эйран взялся за спинку стула и поднялся. Я тоже привстала, не зная, что делать: попросить подождать, принести ему хлеб, пойти следом. Он коротко посмотрел на меня.

— Оставьте, пожалуйста. Я ещё не доел.

— Оставлю.

Он ушёл за Савертом. Я села. Ветвь на столе начала раскрываться: один бледный лепесток отогнулся, потом второй. Я отвела от неё чашку с настоем, чтобы не мешала, и больше не притронулась к еде.

* * *

Дора подошла, когда мальчик уже собирал пустые подносы.

— Он просил оставить, — сказала я.

Она посмотрела на нетронутый хлеб.

— Завернём. Здесь всё остынет.

Дора взяла чистую салфетку. Пока мы складывали еду, она сказала почти шёпотом:

— Есть ещё кладовая. В Белом доме, возле бельевой. Если хотите посмотреть сундуки, пойдёте сейчас.

Я подняла голову. Дора стянула концы салфетки узлом и протянула мне свёрток.

— Тая здесь останется?

Сестра сидела с новыми знакомыми; девушка с цветами показывала ей, как складывать из сухого листа маленькую лодку. Тая пыталась повторить и каждый раз сминала край. Я подошла сказать, куда иду. Она хотела подняться, но я попросила её остаться и узнать, что ещё рассказывают гости. Сестра согласилась.

Дора дождалась меня у лестницы. До дома мы дошли молча. За стенами ещё звучала музыка, а в коридорах было тихо. Хозяйка взяла ключ из связки на поясе, открыла дверь и внесла лампу.

Сундуки стояли в два ряда, некоторые — один на другом. Пришлось вынести мешок с ветошью, чтобы подойти к дальним. Дора называла, что в них лежит: старые покрывала, праздничная посуда, забытые вещи гостей. Я спросила, давно ли их разбирали. Она ответила, что не помнит.

У стены стоял дорожный сундук с отломанной ручкой. Сквозь стёртый лак проступали буквы. Я присела, Дора посветила мне: Села.

— Этот?

Дора кивнула. Мы отодвинули его, открыли крышку. Изнутри она была обита тканью с выцветшими лодками, похожими на вышивку на платье.

— Значит, всё хранилось здесь, — сказала я. — И никто за вещами не приехал?

— При мне не приезжали.

На боку сундука сохранилась наклейка. Под ней виднелся край старой метки. Я поддела бумагу ногтем: клей давно высох, верхний слой отошёл почти целиком.

— Дора, посветите.

Хозяйка наклонила лампу. На старой бумаге стояла цифра три и сокращённое слово, которого я не разобрала.

— Южная, — прочла она. — Третья кладовая у каменоломен.

— Сундук возили туда?

Дора поставила лампу на пол.

— Когда закрывали выработку, вещи переносили. Там было много помещений.

— Чьи вещи?

— Разные.

Она не смотрела на меня. Я вынула тетрадь и срисовала метку, не срывая старую бумагу. Бирка с именем всё ещё лежала у меня в кармане.

Мы поставили сундук обратно. Дора закрыла кладовую, проверила ручку. На лестнице она сказала, что завтра Тая может закончить работу с тканями, и ушла на кухню.

Эйран ждал на галерее. Стоял у стены, слушая музыку с площади. Увидев свёрток, который я всё ещё держала под мышкой, выпрямился.

— Это ваше, — сказала я.

Он поблагодарил, развязал салфетку. Взял хлеб и сразу откусил, будто больше не собирался откладывать ужин.

Я остановилась рядом. Могла бы показать ему бирку, спросить о Селе, о южной кладовой. Вместо этого спросила, долго ли он простоял у настила.

— Недолго. Потом понадобился ещё на площади.

Он развернул салфетку и предложил мне лепёшку. Я отломила немного, хотя есть уже не хотелось. Потом из кухни позвали Эйрана, и он попросил подождать, пока доест.

У своей двери я обернулась. Он остался на галерее со свёртком в руках. Увидел меня, поднял ладонь, и я ответила ему, прежде чем войти.

Глава 5. Что не сказали невесте

Утром Тая принесла ещё два имени. Она нашла их в дорожном чехле, до которого вчера не дошли руки: внутри было написано «Лиора», а под клапаном лежал платок, подписанный Анисой. Сестра спросила помощницу Доры, кому принадлежали вещи. Та ответила, что чехлы перекладывали много раз, и велела искать парный, такого же размера.

— Я поискала, — сказала Тая. — Его нет.

Она положила платок на мой стол. В углу белела маленькая вышитая ветка. Один цветок был недокончен: стежки обрывались возле лепестка, под тканью оставался короткий кончик нити.

— Она забыла его в чужом чехле? — спросила я.

— Может быть. Или вещи собрали в одну кучу. Показать больше некому: там сегодня все заняты галереей.

Я подвинула к платку свою тетрадь. Вчерашняя метка на рисунке выглядела яснее, чем на сундуке. Дора сама прочла её и знала, где была кладовая. Кому принадлежали остальные вещи и почему за ними не вернулись, она так и не объяснила.

Тая села на постель. Смотрела на тетрадь, но не брала её.

— А если эти женщины ещё здесь?

В комнате было тепло. Я сидела босиком и вдруг поджала ноги под стул.

— Тогда постараемся узнать, где.

— Рута, я не про платья.

— Я тоже.

Сестра встала, подошла к двери и прислушалась. Я слышала, как в коридоре передвигают мебель. За эти два дня мы привыкли разговаривать тише, когда кто-то оказывался поблизости.

Дора поручила Тае купить шнуры для подвесных занавесей. Мы взяли корзину с образцами и пошли на рынок. Женщина, сидевшая у наших комнат, собралась за нами. Тая попросила её сначала отнести Доре готовые накидки: хозяйка ждала их с утра. Пока та забирала стопку, мы спустились на кухню и вышли к пристани. Я всё оглядывалась, хотя мы не делали ничего запретного.

На восточной стороне лодочник помог выгрузить корзину. Тая сразу увидела прилавки с иглами и застёжками, поставила корзину возле него и попросила показать крючки для тяжёлой ткани. Я встала чуть в стороне. Шнуры продавали через два ряда, но сестра уже достала платок.

— Нужно закончить вот этот цветок. Найдётся похожая нить?

Торговка отодвинула коробку, чтобы освободить место. Руки у неё были красные от воды; у основания пальца запеклась трещинка. Она разгладила угол платка и повернула к свету.

— Аниса оставила?

Тая подняла голову.

— Вы её помните?

— Она у меня нитки брала. Здесь редкий оттенок, его быстро разобрали.

Женщина поискала в ящике и вынула моток, гораздо светлее старой вышивки.

— Такого больше нет.

— Я из Белого дома. Мы перебираем старые вещи. Хотели бы вернуть хозяйкам, если получится.

Торговка положила моток обратно. За её спиной стояла девушка и продевала иглы в сложенную бумагу. Она подняла глаза, но женщина послала её за пустым ящиком.

— После праздника Аниса уехала, — сказала она.

— Вы её видели перед отъездом?

Торговка посмотрела на меня.

— Нет. Мне сказали, когда я стала спрашивать.

Я приблизилась к прилавку. Женщина закрыла ладонью платок, не давая Таяе убрать его.

— Она собиралась зайти за гребёнкой. Латунной, с вырезанными листьями. Я отложила, потому что ей нравилась, а сразу заплатить она не могла. Потом никто не пришёл, я продала. Сначала думала, обиделась на меня.

— За что? — спросила Тая.

— Она попросила подождать ещё день. Я сказала, что не могуечно держать гребёнку под прилавком. А потом всё равно держала.

Девушка вернулась с ящиком. Женщина убрала руку, и Тая сложила платок.

— А кто-нибудь её искал?

— Приезжали. Спрашивали здесь, в доме. Потом перестали.

— Родные?

Торговка посмотрела мимо нас. По ряду шёл мужчина с хозяйственной книгой под мышкой; у каждого третьего прилавка останавливался, что-то отмечал. Я отступила, чтобы нас не пришлось обходить.

— Мне к утру нужно бельё сдать, — сказала женщина. — Здесь дочь останется. Если будете покупать нитки, приходите попозже.

Тая достала деньги.

— Возьму светлые. Меня зовут Тая.

— Лисса.

Она отрезала нить, намотала на маленькую дощечку. Мужчина прошёл дальше, даже не взглянув на нас.

— У вас другие дети есть? — спросила сестра.

— Две дочери. Старшая сейчас дома.

Лисса сунула свёрток в Таину ладонь, накрыла её пальцы своими и негромко добавила:

— Не надо здесь больше спрашивать. Я хожу к Саверту с бельём. Мне потом всё это носить через его двор.

Тая кивнула. Мы забрали корзину и пошли за шнурами. Сестра держала покупку в руке, пока не добрались до другого ряда; только там убрала в карман.

— Села уехала, Аниса уехала, — сказала она. — А люди оставляют даже то, за чем собирались вернуться наутро.

Я попросила её не задерживаться одной у Лиссы. В зале уже ждали шнуры, туда я и обещала подойти.

* * *

У Каменного хода поперёк дороги поставили скамью. На ней сидел человек с перевязанным локтем. Ещё вчера здесь гнали телеги одну за другой, а сегодня место казалось пустым: с восточной стороны не было ни груза, ни погонщиков.

Я подошла к скамье и спросила, как найти третью южную кладовую.

Человек посмотрел на меня, потом на шест.

— Зачем?

— В Белом доме вещи оттуда. Дора велела разобрать.

Это было правдой до последнего слова. Я ждала, стараясь не оправдываться заранее.

— Ей и отдавайте. Там давно ничего нет.

С юга к нам шёл работник с пустой тележкой. Перед скамьёй остановился. Сторож нехотя встал, взял скамью за конец и оттащил к ограде. Колесо тележки стукнуло на стыке камней.

— А туда с чем ездят? — спросила я.

Работник промолчал. Сторож вернул скамью на место.

— По делу. Вам туда нельзя.

Я могла бы обойти скамью по краю, но он уже стоял передо мной. Вступать в драку с человеком, который даже не решал, кого пропускать, не имело смысла. Я отошла к площади и свернула вдоль перил, к высокому помосту над озером.

С него была видна южная сторона. Каменоломню прорезали тёмные горизонтальные углубления. В одном рос куст, другое почти до верха завалили обломками. Возле третьего виднелись светлые доски. Они ещё не успели потемнеть под дождями.

Я поставила шест у перил и стала ждать. На помосте двое мужчин развешивали бумажные фонари; меня попросили поддержать лестницу. Пока один забирался наверх, я видела южную стену у него под локтем. Человек вынес из-за досок ведро и вылил воду в канавку. Потом пошёл за новым. Ему открыли изнутри.

— Отпускай, — сказал мужчина на лестнице.

Я посмотрела вверх. Он уже спустился на ступень ниже и собирался сойти. Я подождала, пока он встанет обеими ногами на помост.

— Там ещё работают? — спросила я, показав на каменоломню.

— Камень давно не берут. Плохой пошёл.

— А у новых досок?

Он пожал плечами, взял следующий фонарь.

Я ещё постояла. Дверь оставалась закрытой. На широкой полке перед ней было чисто, никаких груд камня, никаких мешков с ломом. Вынесенную воду тут же смыло по канавке; на стене осталась тёмная полоса.

С площади донеслись хлопки, чей-то голос просил освободить проход в зал. Я вытащила шест из-за ограды и пошла искать сестру.

* * *

Тая сидела у окна с двумя девушками. Они пришивали петли к полотнищу, которое потом собирались поднять под потолок. Сестра увидела меня и освободила место рядом, сдвинув коробку с нитками. Я села, сняла куртку. В зале было жарко от открытых на солнце окон.

— Не пустили, — сказала я, наклонившись к ней. — Но там люди. Видела, как носили воду.

Тая кивнула. Уронила иглу, нашла её в складке ткани и снова посмотрела на меня. Я поняла, что она хочет спросить больше. Рядом девушка ждала, пока сестра натянет полотнище, и Тая отвернулась к работе.

На небольшом столе у двери раскладывали вещи для церемонии. Помощница Саверта велела принести чистую подстилку под венец. Молодой слуга держал открытый футляр так далеко от себя, что крышка чуть не задела проходившую женщину.

— Поставь сюда, — сказала помощница.

Я поднялась пропустить двоих со скамьёй и оказалась возле стола. Венец лежал камнем вверх. Серебряные ветви сходились над ним, и между двумя тонкими прожилками виднелась короткая прямая щель.

Слуга потянул за ветвь, под которой зацепился край подстилки. Помощница остановила его.

— Погнёшь. Поддержи снизу.

Она поддела оправу ногтем. В щели блеснул маленький язычок; край ткани вышел свободно, и женщина отпустила металл. Шов снова почти исчез среди узора. Я смотрела на него, пока слуга закрывал футляр. Мне прежде казалось, что камень намертво заключён в серебре.

Саверт стоял у противоположной стены рядом с Эйраном. Указывал, куда передвинуть первый ряд, мешавший проходу. Слуга отнёс ему футляр. Старейшина взял его под мышку и продолжил разговор.

— Вы танцуете? — спросили за моей спиной.

Я обернулась. Помощница смотрела на меня, держа ветвь с мелкими белыми цветами.

— Немного.

— Подмените девушку на одну репетицию. Она подвернула ногу на пристани, ходить может, а поворачивать больно. Вы почти одного роста.

У стены сидела девушка и осторожно снимала туфлю. Я посмотрела на её распухшую щиколотку.

— Это надолго?

— Два круга. Нужно, чтобы музыканты прошли с нами до конца.

Я согласилась. Помощница вручила мне ветвь и отвела к остальным. Тая окликнула её от окна:

— Что это за танец?

— Гостей. На обновление, после музыки стража.

— Там слова какие-нибудь будут?

Помощница остановилась.

— Только песня. Здесь ни жениха, ни невесты нет. Цветы друг другу передадите.

Сестра отпустила край ткани. Я показала ей, куда положила куртку, и встала в круг.

Эйран подошёл, пока музыкант переставлял скамью. На нём была светлая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Рукава были смяты у локтей.

— Вам показали шаги? — спросил он.

— Ещё нет.

Он позвал помощницу. Та быстро прошла возле нас: вперёд, в сторону, два коротких шага назад. Повернулась под собственной поднятой рукой, показывая, как расходятся пары. Я повторила, глядя на пол. Доски немного пружинили, и это сбивало: после каменных троп я привыкла проверять опору раньше, чем переносить вес.

Эйран подал мне руку. Я вложила в неё свою, поудобнее перехватила цветущую ветвь. Помощница поправила расстояние между нами, велела не вытягивать локти.

С первым тактом я шагнула слишком далеко. Эйрану пришлось отступить, а соседняя пара остановилась, чтобы не столкнуться с нами. Музыкант продолжал играть; помощница взяла меня за плечи, поставила на прежнее место и попросила начать ещё раз.

Лицо у меня стало горячим.

— Простите, — сказала я соседям.

Женщина махнула рукой: ничего. Её партнёр переспросил, с какой ноги начинать, и мне стало легче.

Эйран тихо отсчитал первые доли. На этот раз я двигалась осторожнее, но на повороте посмотрела на его ботинки и пропустила движение руки. Наши пальцы разъединились. Я осталась посреди круга с ветвью, а он уже сделал шаг в сторону.

— Я потеряла вас, — сказала я.

— Я здесь.

Он вернулся, снова подал руку. В его голосе не было ни снисхождения, ни досады. Я взялась крепче.

— Не смотрите вниз. Я подниму руку перед поворотом.

Я попробовала следить за ним. Сначала видела только плечо и ворот рубашки; поднять глаза выше почему-то было трудно. Потом он кивнул в такт, и я кивнула в ответ. Поворот получился. Мы поменялись местами, пропустили следующую пару, сошлись снова.

У окна Тая перестала шить. Я успела заметить её улыбку, прежде чем повернулась к Эйрану.

После первого круга помощница остановила музыку. Объяснила, в какой момент передавать цветы. Я попробовала отдать ветвь соседке свободной рукой, но листья зацепились за мой рукав. Пришлось отпустить Эйрана и распутать их. На запястье осталась пыльца.

— Держите ближе к концу, — посоветовала соседка. — А то я тоже без рукава останусь.

Мы обе засмеялись. Я перехватила ветвь, и женщина показала, как принять её, не хватаясь за цветы.

Начали второй раз. Теперь я знала, сколько шагов оставалось до поворота, и успевала услышать мелодию. Эйран больше не считал. Иногда чуть сжимал пальцы, когда пора было расходиться, и снова ослаблял руку. Я чувствовала эти движения раньше, чем успевала подумать о ногах.

Ветвь ушла по кругу. С пустой рукой стало непривычно легко; я уже собралась опустить её, но Эйран поднял свою, и пришлось повернуться совсем близко от него. Я увидела светлую отметину у виска, тонкую жилку возле уха. Задержала взгляд. Он тоже смотрел на меня и чуть опоздал с шагом.

Мы оба остановились, давая соседям пройти.

— Сначала? — спросила я.

Эйран улыбнулся.

— С того места, где стоим. Сейчас нас догонят.

Мы дождались нужного такта. Он подал мне вторую руку, помог вернуться в круг, и я рассмеялась — уже без стыда за собственную неловкость.

Когда ветвь снова досталась мне, цветы раскрылись шире. Я заметила это у его плеча: белые лепестки развернулись, обнажив жёлтые серединки. От них пахло сильнее, чем прежде. Мне хотелось спросить, нравится ли ему эта музыка, но мелодия уже заканчивалась.

Последний поворот мы сделали медленно. Встали лицом друг к другу. Эйран отпустил мою руку, и я опустила её не сразу.

Помощница прошла вдоль пар, похвалила музыканта, попросила принести воду. Под окнами снова зашуршала ткань. Я стояла на прежнем месте, пока не вспомнила, что всё ещё держу ветвь, которую надо вернуть.

— Спасибо, — сказал Эйран.

— Это вам спасибо. Я бы одна запуталась.

Он хотел что-то ответить, но его окликнул Саверт. Эйран повернулся. Я увидела у старейшины под рукой закрытый футляр и потёрла пальцы, всё ещё помнившие чужое тепло.

* * *

Тая помогла мне найти куртку под свёрнутым полотнищем. Я рассказала ей об оправе, пока девушка рядом собирала иглы в коробку. Сестра посмотрела через зал, но слуга уже унёс стол, а Саверт вышел с Эйраном.

— Ты уверена, что это застёжка?

— Видела, как она двигалась. Больше ничего не знаю.

Сестра хотела пойти со мной к южному берегу. Её попросили закончить петли: полотнище без них не поднять. Я сказала, что только ещё раз посмотрю с помоста и вернусь за ней. Если удастся пройти дальше, сначала найду её.

У задней двери кухни я увидела того же работника с тележкой. Теперь на ней стояли два закрытых горшка и лежала стопка полотенец. Он подождал, пока девушка принесёт ещё небольшой мешок, положил его рядом с горшками и двинулся вдоль стены.

Я пошла следом, оставив между нами несколько шагов. Работник не оглядывался. Перед Каменным ходом свернул в узкий проход между складом и каменной оградой. Через этот проход я с помоста не видела ничего.

За складом тропа спускалась к воде. Я остановилась. Отсюда я собиралась вернуться, но колёса ещё стучали совсем близко; хотелось узнать хотя бы, где тележка выйдет на южный уступ. Я прошла до поворота.

Влажный след лежал слева от меня. Его пересекали корни, свисавшие из трещины в ограде; за ними начиналась плоская серая плита. Я перенесла шест вперёд.

— Рута, не ступайте туда.

Эйран стоял выше, у стены склада. Я остановилась с поднятой ногой и сразу опустила её обратно.

Он спустился, показал на дальний край плиты. С этой стороны я увидела, что она держалась только одним концом. Другой нависал над пустотой. Я надавила шестом, плита чуть качнулась. Через щель стало видно озеро далеко внизу.

Я отступила ещё на шаг. Теперь стало видно и колею: перед корнями она поворачивала вверх, на деревянный настил за оградой. Я потеряла след там, где его перекрывала земля с откоса, и пошла прямо.

— Не заметила, — сказала я.

Сердце колотилось так, что слова вышли с трудом. Эйран подождал, пока я встану на широкую часть тропы.

— Вас было видно из окна. Я вышел следом.

— Спасибо.

Он кивнул, посмотрел на настил. Тележки там уже не было. Я чувствовала, как остывает спина под рубашкой, ещё влажной после танца.

— Что вы хотели найти?

— Южную третью кладовую. Вы знаете, где она была?

Эйран долго не отвечал.

— Откуда у вас это название?

— На сундуке Селы сохранилась метка. Дора прочла. Вещи лежат в Белом доме, там ещё её платье и браслет.

Он взялся за верхнюю доску ограды. Я видела, как побелели костяшки пальцев.

— Она была здесь двадцать лет назад, — продолжила я. — А нам говорят, уехала. Вы её знали?

— Я не помню всех, кто тогда приезжал.

— Но кладовую помните.

Эйран опустил руку. Поглядел вниз, где между досками блестело озеро.

— Есть человек, с которым вам нужно поговорить. Женщина. Несколько лет назад она скрылась от Саверта.

— Ей удалось уйти?

— Я помог ей добраться до лодки.

Я ждала продолжения. Эйран обернулся на проход между складами: оттуда доносились голоса работников.

— Можно спуститься к старому причалу. Я покажу, где она садилась. Там нас не услышат.

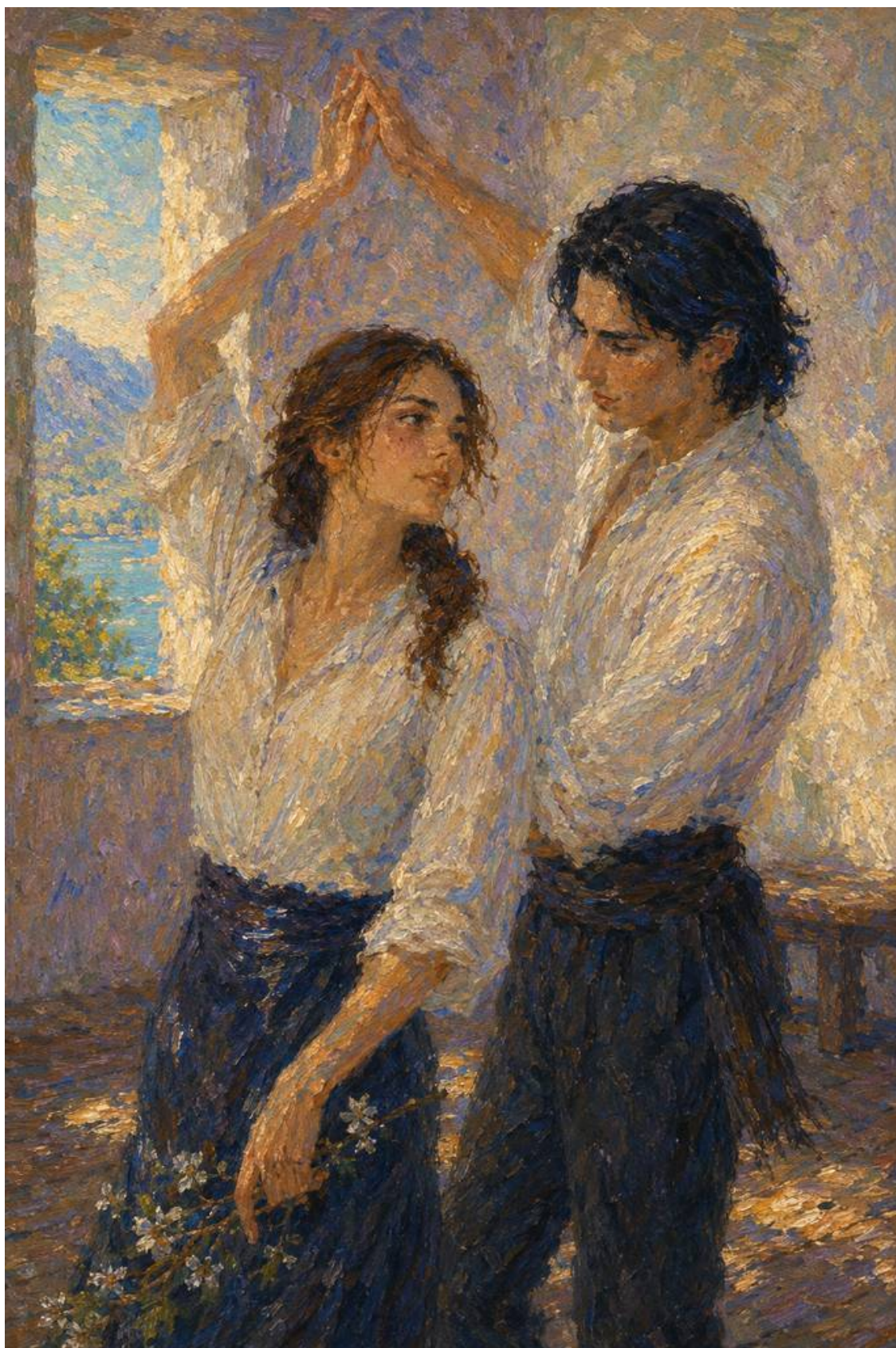
— Я обещала сестре вернуться.

— Пойдёмте за ней.

Я покачала головой.

— Она в зале, работает. Сначала скажу, куда иду. Подождите меня у лестницы.

Он отошёл, пропуская. Я поднялась по тропе к складу, на этот раз глядя под ноги. У поворота Эйран остался стоять; я видела его, пока не вошла в дверь зала.

Глава 6. Первый союз

Тая выслушала меня у окна. Девушки уже унесли готовое полотнище, и она складывала оставшиеся нитки в коробку.

— Я пойду с вами, — сказала сестра.

— Дай нам сначала осмотреть дорогу. Он говорит, мостки плохие.

Тая закрыла коробку.

— А ты всё расскажешь?

— Как вернусь. Найду тебя сразу.

Она согласилась ждать дома. Я обещала прийти до вечернего чая, а если задержусь — передать с лодочником. По дороге к лестнице обернулась: сестра стояла в дверях и смотрела нам вслед. Я помахала ей.

Эйран повёл меня вдоль воды, за коптильню. Во дворе грузили поленья под навес. Пришлось подождать, пока работники освободят проход между штабелями. Эйран поздоровался с ними, отодвинул сушившуюся сеть и открыл низкую калитку.

За ней начинались мостки. Они шли у самой воды, огибая выступ скалы. Озеро здесь парило: из расщелины стекал тёплый ручей. На камнях росла густая трава, длинные листья ложились прямо на доски.

Эйран показал вперёд.

— Возле ручья мелко. За следующим поворотом глубина и течение. Туда по воде не обходите.

Я присела, проверила первую опору. Бревно крепко сидело между камнями, доска чуть прогнулась, но не треснула. Через щель я увидела светлое дно. Развязала куртку на поясе и надела: с озера всё ещё дуло.

Мы шли медленно. Эйран был впереди; на узких местах останавливался и ждал, пока я подойду. Здесь его никто не окликал. Голоса с площади скоро перестали различаться, остались стук по дереву и далёкая музыка.

У ручья настил перекосило. Вода под ним была мутная, с мелкими пузырями. Я поставила шест между двумя досками, нащупала камень и спросила, можно ли пройти вдоль стены.

— Можно, только скользко.

Эйран отступил на широкое место. Я нажала ногой на край настила, проверяя, выдержит ли он меня. Доска выдержала, зато бревно под нею повернулось. Я качнулась к стене, не дотянувшись до выступа. Эйран схватил меня за предплечье. Его нога попала на тот же подвижный край, и мостки опрокинулись под нами.

Я упала на бок. На миг вода закрыла лицо; я выставила руки, упёрлась в дно и встала. Оказалось, её чуть выше пояса. Эйран поднялся рядом, отплёвываясь. Между нами плавал выскользнувший шест.

— Вы целы? — спросил он.

Я ощупала локоть, которым ударились о камень. Больно, но двигался.

— Кажется, да. А вы?

Эйран кивнул. Из рукава у него вылилась вода, когда он потянулся за шестом. Я посмотрела на его совершенно мокрые волосы и не удержалась: начала смеяться.

— Простите. Я сейчас.

Он протянул мне шест. Хотел что-то сказать, но засмеялся сам. Мы стояли в воде, придерживая перевёрнутые доски, и никак не могли выбраться: стоило взглянуть друг на друга, смех начинался снова.

Наконец Эйран отпустил настил и обошёл его по дну к плоскому камню. Я последовала за ним, проверяя шестом каждый шаг. На камень выбирались по очереди. Он подал мне руку уже сверху и помог встать, пока я цеплялась мокрой подошвой за край.

Я села, стянула ботинок. Вода выплеснулась на колено Эйрану. Он посмотрел вниз, потом на меня. Я прикусила губу, но всё равно прыснула.

— Я не нарочно.

— Второй в другую сторону, пожалуйста.

Я отвернулась и занялась вторым ботинком. Когда подняла голову, он выжимал куртку. Влажные пряди прилипли ко лбу; Эйран убрал их тыльной стороной ладони, заметил, что я смотрю, и улыбнулся.

Мы обошли перевёрнутый настил вдоль стены. Дальше доски держались на отдельных каменных опорах, и я уже проверяла не только то место, куда ставила ногу.

* * *

Старый причал открылся сразу за выступом. От лестницы наверх остались три ступени. Внизу лежал толстый столб с железным кольцом; его давно вырвало из крепления и прибило к скале. Эйран присел возле него, отвёл траву.

— Здесь.

На дереве были зарубки: три короткие и одна поперёк. Края потемнели от воды, в углубление забила земля.

— Она оставила знак?

— Мы условились. Если дойдёт до причала, отметит столб. Лодка уже ждала здесь.

— Как её зовут?

— Веста.

Я провела пальцем рядом с зарубками. На другом причале Брен показывал мне старую верёвку. Он искал свою лодку и ничего не смог узнать у Саверта. Я спросила, той ли лодкой Веста ушла.

— Да. Её взяли для гостей Саверта. Мне удалось оставить здесь, пока не потребовали вернуть.

— Брен искал её.

— Он не знал, кто в ней уедет. Потом Веста дала о себе знать. Просила никого к ней не приводить.

— Кроме неё кто-нибудь смог уйти?

Эйран встал. Его куртка ещё капала; он расстелил её на нагретом солнцем камне.

— Я вывел только Весту.

Я сняла свою и положила рядом. Рубашка прилипла к спине. Ветер сюда почти не доходил, но меня знобило.

— Кого вы не вывели?

Эйран сел на уцелевшую ступень. Я осталась стоять перед ним.

— Тех, кто был в южных помещениях. Они спали. Разбудить я не смог; собирался вынести к лодке. Хотел вернуться за остальными, когда она доберётся до воды. Не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.